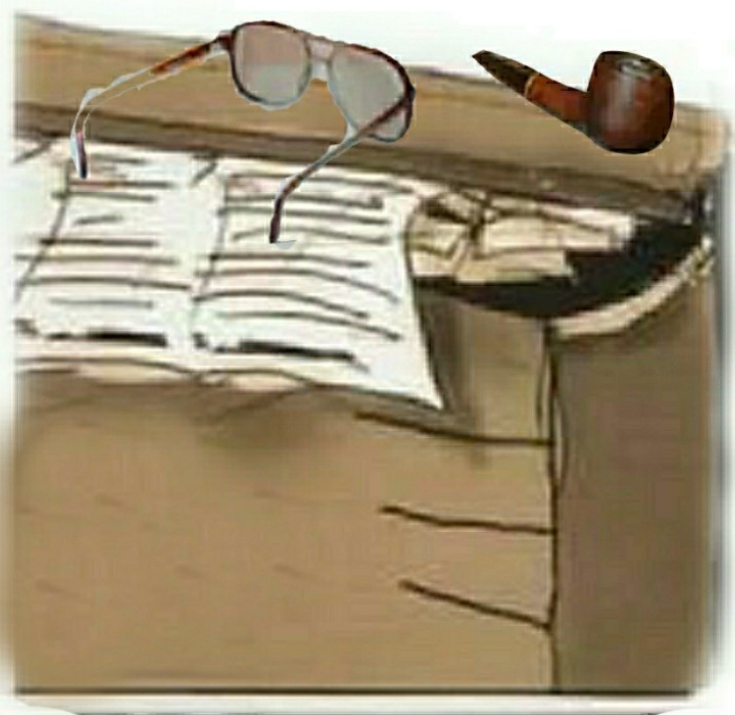

Обезьянчик Ящик

16+

Василий Пригодич
Обезьяний ящик

«ЛитРес: Самиздат»

2009

Пригодич В.

Обезьяний ящик / В. Пригодич — «ЛитРес: Самиздат», 2009

В сборник включены по преимуществу литературные рецензии на книги, вызвавшие особый интерес читающей публики в 2005 - 2009 годах.

Особенность этих рецензий прежде всего в том, что они представляют собой отклики автора – профессионального литературоведа, поэта и эссеиста Сергея Гречишкина (лит. псевдоним Вас. Пригодич) (1948 – 2009) на произведения современников. Отклики являются образцами личностной прозы, которые неизменно обращены к «Высокому другу – читателю», вовлекаемому «на равных» в жизненный мир литературных персонажей под умным, ироничным и всегда благожелательным водительством автора

© Пригодич В., 2009

© ЛитРес: Самиздат, 2009

Содержание

Об авторе этой книги	5
Байки кремлевской диггерши, или Потерянный рай	8
"Маленькая барабанщица", или Большая книга	11
"Алмазная колесница", или Путь к Будде Амида	14
"Бесчестье" "Осени в Петербурге", или "Безнравственное безволие" и нравственная воля	17
Норманнская Англия, или Английские норманны	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Об авторе этой книги

ГРЕЧИШКИН Сергей Сергеевич (основной псевдоним – Василий Пригодич) [р. 24. III. 1948, город Берлин, Германия – 03.12.2009, Петергоф] – историк русской литературы конца XIX-начала XX веков, поэт, лит. критик, эссеист, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Международного ПЕН-клуба, Санкт-Петербургского русского ПЕН-центра.

Родился в семье петербуржцев-ленинградцев: военного врача, рентгенолога-радиолога, полковника и преподавательницы немецкого языка. В 1971 г. окончил отделение русского языка и литературы филологического факультета Ленинградского государственного университета. Занимался в "брюсовском" и "блоковском" семинарах П.Н. Беркова и Д.Е.Максимова. В 1971-1973 гг. работал старшим редактором журнала "Правоведение". В 1973-1985 гг. служил в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Рукописный отдел, Блоковская группа сектора Новой русской литературы). С 1985 г. – литератор на "вольных хлебах".

Как историку литературы Г. принадлежит свыше 70 публикаций (исследовательские статьи, публикации документов, подготовка текстов, комментарии), посвященных творчеству Андрея Белого, Александра Блока, В.Брюсова, М.Волошина, А.Ремизова, Ф.Сологуба, В.Зоргенфрея, Ю.Балтрушайтиса, Б.Пастернака и др. Многие из них созданы в соавторстве с А.В.Лавровым (ныне – академик РАН). Лучшие совместные работы вошли в книгу: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб., "Скифия", 2003.

Г. ввел в научный и читательский оборот сотни писем, ряд прозаических и мемуарных произведений выдающихся представителей русского Серебряного века. Уже ранние историко-литературные "штудии" Г. привлекли к себе внимание таких ученых, как В.М.Жирмунский, М.П.Алексеев, Д.С.Лихачев, Ю.М.Лотман, И.С.Зильберштейн и др., которые высоко оценили источниковедческую ценность и высокое качество исследований молодого ученого.

Статьи и публикации Г. по Серебряному веку (1970-1980-х гг.) отличаются строгим академизмом, содержательностью, беспристрастностью, архивной выверенностью, изяществом стиля и специфической филологической "выделкой", свойственной ученым Петербургской филологической школы. Работы Г. публиковались в издательствах: "Наука" ("Литературное наследие", "Литературные памятники", "Ежегодники Рукописного отдела Пушкинского Дома"), "Художественная литература", "Советский писатель", "Советская Россия", "Правда" и др.

Стихи Г. начал писать еще в школьные годы, и уже с университетских лет поэзия Г., отличающаяся специфическим накалом чувств и своеобразием слога, стала достоянием узкого, но компетентного круга российских и зарубежных почитателей. Тогда же поэт взял литературный псевдоним "Василий Пригодич", составленный из родового имени и девичьей фамилии матери. В 1970-1980-х гг. чужеродность поэзии Г. канонам советской литературы была столь очевидной, что об издании его стихов не могло быть и речи. Впервые девять стихотворений Г. были опубликованы в Германии: Василий Пригодич. Из книги "Картонные личины" // Грани. Издательство "Посев". 1982, N 126. С. 49-57. В мае 1989 г., в период "перестройки", состоялось первое публичное чтение стихов Г. в ленинградском Доме культуры работников пищевой промышленности. Г. трудно отнести к кругу питерского литературного "андеграунда" или вообще причислить к какой-либо литературной группе. "Самость" поэзии Г. заключается прежде всего в основательных общегуманитарных познаниях автора, в его особом духовном опыте..

Это свойство стихотворений Г. было подмечено критикой после выхода в свет первого его сборника "Картонные личины", изданного в 1990 г. Ленинградским отделением издательства "Художественная литература". По мнению выдающегося петербургского поэта и критика В.Кривулина, "Картонные личины" – "книга замечательная прежде всего подкупающим сочетанием высочайшей поэтической культуры, мощного филологического багажа и поразительной

наивности, почти инфантильности видения". Стихотворения Василия Пригодича "построены на постоянном внутреннем диалоге автора с классическими текстами..., читаются как дословная черновая запись горячего спора все о том же – о судьбе России, "о приключениях индивида на этой маленькой планетке", – сколько об этом было говорено в 70-е годы во время бесконечных кухонных застолий, ставших в те годы единственной формой свободного выражения общественного мнения! Но то, что активными и непосредственными оппонентами, собеседниками (едва ли не собутыльниками) Пригодича оказываются Г.Державин, А.Пушкин, Ф.Тютчев, К.Случевский, А.Блок, Андрей Белый, В.Ходасевич, Н.Клюев, Б.Пастернак, А.Солженицын, придает речевой атмосфере сборника высоту, недостижимую для большинства современных русских поэтов" (Кривулин В. Маска и лицо. Классическое наследие в современной артикуляции // Независимая газета. 1993, N 21 (4 февраля). С. 7).

В 1995 г. Г. выпускает второй сборник стихов – "Пришелец земли", пронизанный исповедально-покаянными мотивами. Автор послесловия к книге пишет: "Воспринимать такие стихи трудно и страшно. Для этого необходимо мужество... Для этого необходима "взрослость" – взрослость современника, который хочет, способен, имеет мужество осознавать себя в мире, не оправдавшем оптимистические посулы европейского гуманизма. Приготовьтесь к восприятию отражения в поэзии мук и конвульсий сегодняшней цивилизации, катаклизмов и неврозов современного общества. Сквозная и ведущая тема поэтического творчества Василия Пригодича – тема Смерти и Воскрешения... Поэт не щадит гуманистические идеалы прошлого именно потому, что они обнаружили в XX веке свой утопически агрессивный и тоталитарный дух, обернулись против Человека, почти неузнаваемо обезобразили его божественный лик... Но не угасает надежда на возвращение Бога, на воскрешение Человека. Поэт ждет возвращения Бога после почти целого столетия забвения его Человеком" (М.Л. Иначе – ничто. Послесловие // Василий Пригодич. Пришелец земли. – СПб., 1995. С. 123).

В третью книгу Г. ("Ветер в ничто". СПб., 2001) вошли стихотворения разных лет, а также лирические посвящения поэтам Серебряного века, друзьям и единомышленникам. Эти лирические посвящения являются, по мнению В.Кривулина, "актуальным продолжением горячего спора, затеянного еще Вл.Соловьевым и подхваченного лагерными дискуссиями на Соловках и Колыме, в русском Берлине, Праге...". Отдельные "посвящения" критик воспринял как "новейшую версию поэтического осмысления мистико-большевистской утопии", как "полемику, выдержанную в стилистике русского символизма, но взрывающую ее изнутри" (Кривулин В. Келья, книга и вселенная // Арион. Журнал поэзии.– N 3. 1994. С. 53). Г. публикует стихи в журналах и альманахах: "Новый журнал" (СПб.), "Арион" (М.), "Византийский ангел" (Киев), "Kreschatik" (Германия) и др.

В последние годы жизни Г. под псевдонимом Василий Пригодич активно выступал как лит. критик, эссеист. Им опубликовано свыше 120 статей о книжных новинках, но не только. Иногда Г. выступал и как политический публицист. Вел раздел "Книжная полка" в газете "London Courier" и в интернет-журнале "Русский переплет". Статьи и пространные эссе Г. зачастую вызвали яростную и нелицеприятную полемику как в "бумажных", так и в сетевых изданиях. 50 избранных статей Г. вошли в книгу: Василий Пригодич. Кошачий ящик // СПб., "Геликон Плюс", 2003. За свою литературную карьеру Г. публиковался в журналах, альманахах и газетах: "Новый мир", "Звезда", "Русская литература", "Труды по знаковым системам" (Тарту), "Новое литературное обозрение", "Wiener slawistischer Almanach", "Смена" (СПб.), "Вести", (Таллинн), «Ваш тайный советник», «Новости Петербурга», «Территория бизнеса» и др.

Г. много работал как "сетевой" литератор, постоянно публикуясь в интернет-изданиях "Лебедь" (Бостон), «Русский Переплет», «Поэзия. Ру» (СПб.), «Удафф» (СПб) и др., являлся членом редакционной коллегии интернет-журналов "Русский переплет" и "Поэзия. Ру". Сетевой словесности, полагал Г., с ее мгновенностью, спонтанностью, «цветущей сложностью», раскованностью и мыслительной свободой принадлежит будущее.

*Почти девять лет с нами нет Сергея Гречишкина, Сережи...
С его уходом образовалась зияющая пустота, никем и ничем не заполняемая.
Мы похоронили поэта на обрывистом склоне над никогда не замерзающей пригородной
речкой.*

Кладбище это – между Санкт-Петербургом и остальной Россией.

3 декабря в день кончины мы приходим поклониться его могиле.

Нас много, и память наша крепка.

Глеб Валентинович Маркелов, 2018 г.

Настоящий сборник был в основном подготовлен к изданию самим автором – Сергеем Сергеевичем Гречишкиным.

Байки кремлевской диггерши, или Потерянный рай

Давно не писал я ничего путного: болел. За мной, читатель! Поговорим о самой скандальной книге минувшего года: Елена Трегубова. **Байки кремлевского диггера. М., Издательство "Ад Маргинем", 2003. 382 С. Тираж 50 000 экземпляров.** Это издательство, вопреки административному нажиму, отличается тем, что издает НЕОРДИНАРНЫЕ книги. Из-за чего скандал? В книге идет речь о кремлевской «хунте» (так скажем), – вот и скандал. У начальства высокого ума нет (вечно в истории российской), посему был хамски снят с эфира репортаж о книге в передаче "Намедни" Леонида Парфенова (НТВ), у дверей квартиры Трегубовой был подожжен взрывпакет. К чему это привело? К тому, что "Байки" давно занимают первое место в рейтингах книжных продаж.

О слове "диггер" (по-английски "diggers" – копатели). Так именовали себя сторонники Джерарда Уинстенли, лидера крайне левого крыла Английской революции. Движение диггеров ("истинных уравнилелей") было подавлено военным диктатором Оливером Кромвелем. В наши времена диггерами именуют себя люди, изучающие городские подземелья, тоннели, канализационные стоки и т.д. Трегубова, изгнанная из журналистского кремлевского пула, в предисловии пишет: "...на протяжении всех этих лет я чувствовала себя диггером из фантастического фильма, который спускается и в крошечной темноте и адском зловонье пробирается по запутанным лабиринтам. И, наконец, – что самое мучительное – вступает в контакт с местными обитателями. Внешне они иногда слегка напоминают людей, но в действительности – совсем не люди, а абсолютно другой, даже не скрещивающийся с нами биологический вид" (С. 15-16).

Это пафосное заявление не совсем верно, скорее, совсем не верно, ибо, прочитав эту исключительно занятную и забавную книгу, читатель приходит к простому, как мычанию, выводу: *они* – люди, такие же, как мы с вами, только хуже нас, намного хуже, ибо *им* несравненно больше приходится лгать, подличать и изворачиваться (как говаривали опытные питерские проститутки: "суетиться под клиентом"). Мы склонны демонизировать ВЛАСТЬ, надевать ее сакральными и мистериальными функциями, харизматическими обертонами, а на самом деле не только КОРОЛЬ голый (см. главы: "Как меня вербовал Путин", "Как Путин кормил меня суши", "Мой "друг" Володя Путин", "Как Путин испортил мне Пасху", "Борис Ельцин, живой и мертвый", "Дедушка старый, ему все равно"), голые и свита, и обслуга-прислуга, да и сама хроникерша без одежды. Вот так! Кремлевские реформаторы, как правило, у Трегубовой – "отвязанные", "реальные и правильные пацаны", пестующие не благополучие России-Матушки, а собственные вульгарные шкурнические интересы.

Думается, поэтому книга и вызвала высочайший гнев. Автору следовало подпустить мистического тумана, набросить на кремлевских фигурантов покрывало Изиды, романтический флер, ничего этого нет, посему "байки", вопреки желанию автора, воспринимаются как документальная сатира. Небожители оказываются злыми лилипутами-интриганами, зачастую коварными и подлыми. Рекомендую эту книгу всем: бодрит и отрезвляет, как огуречный рассол после ночи непомерных возлияний.

Вся книга пронизана стенаниями о травле, о несправедливом исключении журналистки, публиковавшейся в "Русском телеграфе", "Известиях", "Коммерсанте", из прикормленной кремлевской "машиной", пишущей кодлы. "Байки" еще полны дамской обиды на несостоявшийся роман с... – молчок. Читайте сами. Трегубову выгнали взашей из элитарной "тусовки". Вот почему я вынес в заголовок название знаменитой поэмы "Потерянный рай" (1667) Джона Мильтона, яростного участника политических пертурбаций в Англии середины XVII века. Автор одновременно "мстит, кроваво мстит" (слова Карандышева из драмы А.Н. Островского "Бесприданница") обидчикам и робко пытается сказать: "Папа, я больше не буду".

Мадемуазель Трегубова нарушила некоторые тайные "законы", за что и была изгнана из корпорации. Какие? Читайте и обрящете. Читатель, любое человеческое сообщество: страна, правительство, бизнес-круг, ученый совет Кембриджского университета, коллегия адвокатов, Международный ПЕН-клуб, тюрьма, казарма, больница и прочая, и прочая, и прочая – живут по *определённым* законам, которые не следует нарушать, ибо это жестоко карается. Мы не говорим об уголовном законодательстве – другая песня. Нарушение корпоративных законов, в конечном итоге, наказывается изгнанием из корпорации. А нарушение императивных поведенческих узаконений в российской тюрьме, казарме и больнице карается смертью (я совершенно серьезно).

Книга написана пленительным "макароническим" языком: горячая смесь комсомольского жаргона, новорусского "новояза" с "канцеляритом". Все время встречаются обращения: "Володь", "Володя" (понятно к кому, да?), "Борь", "Борька", "Саш", "Стальевич", "Сережа", "Лужок", "Берёза", "Рома", "Лёша" (вот здесь раскроем обращение – Кудрин) и т.д. Не чурается автор и табуированной лексики, к примеру, главки "Ну, все ребята, вам п...ц!", "Уё...ть отсюда! И поскорее" (так у автора). Прочитируем яркий образчик стиля: "Чубайс – вдохновенный Вольный Каменщик!.. В смысле Чубайс как раз Невольный Каменщик! Он – фиганутый на голову масон, работающий круглые сутки, человек миссии, абсолютно бескорыстный. Именно из-за этого его каждый раз так все и имеют" (С. 301). Умри, Денис, лучше не скажешь. Подобные цитаты можно было бы многократно умножить, но зачем. Кстати, все кремлевские насельники у Трегубовой – фельетонные негодники и записные мерзавцы. Симпатию у автора вызвали лишь Чубайс, Ельцин и олигарх Владимир Евтушенков. Очень жаль, что книга не снабжена именованным указателем: это был бы "бекедер"-путеводитель по закоулкам кремлевской власти.

Кстати, книга не только уморительно смешна, но и поучительна. Читатель постепенно приходит к несложной мысли, мол, политика вершится не президентом, правительством, парламентом, а зачастую случайными людьми за кулисами, в приемных, "под ковром", в кулуарных разговорах, на лестницах, в коридорах и на кухнях. К примеру, Трегубова утверждает, что многие важные политические решения принимались-октроировались на даче знаменитой российско-британской журналистки Маши Слоним. Автор четко фиксирует правительственные "наезды" на свободную прессу, телевидение, радио, попытки обуздать их и стреножить. Поражает поведенческая и вербальная пошлость, пошлость и пошлость кремлевских "небожителей". Удивляет и то, как бессовестно легко продаются-перекупаются журналисты. Эх, "четвертая власть"...

Путина Трегубова не любит. Почему? Читайте книгу, она того стоит. Скажу лишь, что психологический портрет Владимира Владимировича, созданный мадемуазель-журналисткой, странен, пристрастен и... пугающ (так скажем). Путин у Трегубовой – некий механизм, спроектированный для... – опять молчок. С несравненно большим пиететом Трегубова описывает удивительные похождения Бориса Николаевича. Сцена, где на королевском банкете в Стокгольме Ельцин, разогретый звоном и содержимым "чаш", решил женить Немцова на крон-принцессе, не уступает лучшим страницам "Русского Ювенала" – Н. Щедрина (главка "Стокгольмский кошмар"). А вот и вывод автора книги: "Дедушке можно было простить все. Потому что он всегда, не важно – вменяемый или невменяемый, живой или мертвый, – оставался крутым" (С. 57). Чудил старый барин, что и нравилось обслуге, а вот новый барин не чудит... Прочитирую поразительный фрагмент из книги: "Как-то раз на мои упреки в изобретении Путина Березовский признался: – Слушайте, Лена, да я в тот момент его и не знал почти! Ну два раза вместе водки выпили – и вперед, в президенты! Зная легендарную динамичность Березовского, в это охотно верится" (С. 377).

Собеседники "кремлевской диггерши" чрезвычайно, предельно откровенны. Вот признание "Славы" Суркова – ведущего кремлевского политтехнолога из администрации президента

Путина: "Знаешь, вот попомни мое слово: сейчас, конечно, застой, но еще через несколько лет вы все еще вспомните с благодарностью, что мы этот застой удерживали! Потому что сейчас еще лет восемь в стране застой будет, но зато потом – ка-ак еба...ет – никому мало не покажется!" (С. 375). Радужные перспективы, а? Сказано простенько и со вкусом.

Читаешь эту забавную книгу и вдруг впадаешь в грусть-тоску. А что с Родиной-то будет, если арапа заправляют какие-то бесцветные и пустые человечки. Да, да, бесцветные и пустые – именно так. Поживем – увидим.

Я уже сказал, что книга проникнута некоей дамской обидой, в ней много, увы, истероидных интонаций, автор страдает в существенной мере и манией преследования. Трегубова еще очень молода, в ее тексте очень много детского, капризного, максималистского. В ее обличениях зачастую важны не сами фиксированные факты, а девчоночье желание сказать: я, я, я, смотрите, с какими крутыми дяденьками я ходила на дискотеку. Но есть в книге и совершенно иной "сокрытый двигатель": слезы и боль за Россию, проповедь свободы во всех ее проявлениях, манифестированное отвержение любых притеснений и утеснений. Работа в кремлевском журналистском "пуле" нанесла Елене Трегубовой тяжелейшую психологическую травму. Все пройдет, и это пройдет. Писательница еще порадует нас новыми "байками".

7 апреля 2004г.

"Маленькая барабанщица", или Большая книга

Соскучился я по тебе, любезный читатель, а так поговорить хочется. Есть и повод – замечательная книга: **Джон Ле Карре. Маленькая барабанщица. Перевод с английского Е. Осеневой и Т. Кудрявцевой. М.: Издательство "Эксмо", 2004. 540 С. Тираж 6100 экземпляров.** Роман написан двадцать лет назад, но он сейчас сверхактуален. Почему? Читай дальше.

Несколько фраз об авторе. Джон Ле Карре, один из самых известных в мире английских романистов, родился 19 октября 1931 года в Пуле (графство Дорсет) в семье предпринимателя. Его подлинное имя – Дэвид Джон Мур Корнуэлл. Детство его материально было вполне благополучным, но, мягко говоря, отнюдь не безоблачным: мать оставила семью, когда Дэвиду-Джону было пять лет, отца несколько раз арестовывали за финансовые аферы.

Будущий писатель учился в Оксфорде и в университете Берна (Швейцария), преподавал немецкий и французский языки в Итоне, ряд лет прослужил одновременно в Министерстве иностранных дел и в "Интеллидженс сервис". Как это часто бывает, он занимался разведывательной деятельностью под прикрытием дипломатического статуса (был вторым секретарем британского посольства в ФРГ, а позднее – консулом в Гамбурге). После выхода в свет третьего романа "Шпион, пришедший с холода" (1963), который принес писателю мировую славу, он выходит в отставку. Двоящийся образ британского разведчика Джорджа Смайли – героя нескольких романов нашего автора – стал понятным и близким (а, может быть, непонятным и далеким) миллионам читателей в разных странах. Ле Карре – автор двадцати книг, добрая половина из них была экранизирована. Псевдоним он выбрал случайно, посему домыслы журналистов о том, что он якобы взял фамилию предков – французов-гугенотов, бежавших при кардинале Ришелье в Англию, – газетная утка.

Джон Ле Карре – один из основателей-фундатторов нового для литературы второй половины минувшего столетия жанра – политического триллера. Опыт службы в разведке предопределил магистральное направление его творчества. В одном из интервью писатель признался: "Я исследовал секретные службы как некое подсознательное народов, которым они принадлежали. Меня интересовали подлинные, подспудные страхи и мифы, которыми они жили. К примеру, история КГБ эпохи "холодной войны" демонстрирует полнейшее психологическое соответствие "конторы" состоянию советского общества того времени – его комплексы, его фантазии, его абсурдные, бессмысленные страхи перед русской эмиграцией... Сюда же относятся и всякого рода заблуждения – особенно в отношении США. И наоборот – неадекватность Запада в отношении к России. Я понимал, что могу использовать свой опыт для иллюстрации более широких сфер жизни. Именно поэтому разведка стала местом действия моей "человеческой комедии". Чрезвычайно любопытное и важное признание...

Выше я упомянул, что книга написана двадцать лет тому назад. Международный терроризм, который сейчас паровым катком катится по всему миру, тогда еще только делал первые шаги. Шаги, разумеется, крупные. Все человечество ужаснулось и содрогнулось после захвата в заложники и убийства израильских спортсменов во время Мюнхенской Олимпиады 1972 года. Однако для подавляющего большинства европейских, американских и советских обывателей это была далекая "экзотика", мол, пусть "они" истребляют друг друга на Ближнем Востоке, а у нас тихо, уютно, спокойно и сыто.

В романе "Маленькая барабанщица" поставлена и чрезвычайно остроумно и элегантно **решена** психологическая проблема политического терроризма. Впервые в истории мировой литературы она была заявлена в гениальном, по словам Блока, романе Андрея Белого "Петербург" (1912 год). Герой романа – Николай Аблеухов – по заданию некоей революционной партии – должен взорвать бомбой своего отца, важного имперского сановника. На самом деле

это – провокация "охранки". Белый новаторски показывает "сращение" охранного отделения и боевого террористического подполья, спонтанный переход боевика в правительственного агента и наоборот. Вспомним знаменитого Е.Ф. Азефа, чье появление-разоблачение было предсказано Белым, который одновременно командовал боевым отрядом эсеровской партии и был платным агентом охранки.

Сюжет романа весьма непросто: действие "перетекает" из Германии в Англию, в Австрию, в Грецию, на Ближний Восток. В основе сюжета лежит неустанная борьба израильских спецслужб с палестинскими террористами при равнодушной и поверхностной помощи соответствующих организаций европейских стран. Да, взрывы происходят в Европе, но европейцы еще не слишком понимают, что это **навсегда**.

Героиня романа – молодая актриса Чармиан (Чарли), вопреки своей воле, оказывается втянутой в сложнейшую шпионскую игру по уничтожению главаря палестинских террористов. Заманившие ее в свои сети представители израильских спецслужб (Гади Беккер, Курц (он же – Шульман и Рафаэль) и Шимон Литвак) – истероидные, рефлектирующие люди, которым приходится убивать врагов, нарушать законодательство **чужих стран**, что приводит к тяжелейшим психическим травмам, депрессии, нервным срывам. А их противники – не рефлектируют, не терзаются угрызениями совести, не рассуждают, не обсуждают приказы, а убивают просто так, в том числе и совершенно неповинных людей.

Писатель реконструирует психику террористов. Она – другая, читатель, не такая, как у нас с тобой. Впрочем, другие – не означает плохие. Этими людьми движет слепая, нерассуждающая, огненная, яростная ненависть не только к Израилю, но ко всему западному миру. Любой американец, европеец, россиянин – взрослый, ребенок, старик – может быть убит, ибо он враг, рожденный и проживающий на вражеской территории. Роман удивляет каким-то пугающим психологизмом, которого не было в прежней литературе. Развлекательный триллер постепенно вырастает в Большую книгу с полнокровными персонажами и серьезнейшими проблемами.

До самого финала непонятно: на чьей стороне автор. А на чьей? Не скажу! Читатель, кстати, вместе с автором переходит из лагеря в лагерь, сочувствует то тем, то этим. Весы писательского замысла все время колеблются. Погружение в мир политического терроризма убеждает в схожести методов боевиков и противоборствующих спецслужб. Все двоится, мысленные фантомы переворачиваются: террорист оказывается спецагентом, и опять наоборот. Героиня, прошедшая специфическую обработку, не понимает: кто боевик, а кто агент.

Чрезвычайно интересны и образы левых западных интеллектуалов, которые, как раки, попадают в сети террористов и от напыщенных "революционных" фраз легко переходят к кровавым деяниям. Книга очень грустна: с арабскими боевиками никогда не удастся договориться. С боевиками ИРА, с басками, возможно, получится, с палестинцами – нет. Это другая порода людей. Вот их кредо: нужно "стремиться к тому, чтобы уничтожить собственность и казнить богачей" (С. 156). Под этот ранжир попадаем и мы с Тобой, читатель, ибо мы состоятельной насельников палестинских лагерей. Еще фрагмент из монолога лидера боевиков: "Я убил немало людей, которые наверняка достойны уважения... Но мной, когда я убиваю, движет любовь. Я убиваю ради Палестины и ради ее детей" (С. 496).

Всем нам в школе рассказывали о подвигах Николая Гастелло и Александра Матросова. О них написаны книги и сняты кинофильмы. Каждый день мы видим по телевизору и читаем в газетах о том, как в Ираке, в Саудовской Аравии, в Чечне, в Узбекистане боевики-смертники ценой собственной жизни отнимают другие жизни. Нужно признать, читатель, что такого массового героизма не было в человеческой истории. К примеру, ни один секретарь райкома КПСС не умер за коммунистическую идею. Как же нужно истово в Аллаха и в палестинскую идею верить, чтобы неколебимо ради них идти на неминуемую смерть.

В своем романе Ле Карре измерил и сфотографировал леденящую бездну, разделяющую европейское и восточное мировидение-миропонимание. Ей-Богу, страшно. Проницательный

читатель скажет, мол, это сделал еще Р. Киплинг. Да, но романист все это невероятно углубил и усложнил. Важна в "Маленькой барабанщице" и тема двойничества: противники одновременно и похожи, и непохожи друг на друга. Вспомним замечательную мысль Н.С. Лескова: "Натуральный факт в мистическом выражении".

Среди писателей много дураков, одаренных художников, но житейски глупых людей. Читатель, Ты не поверишь, но именно так относились, например, к Блоку и Андрею Белому Д.С. Мережковский и З.Н. Гиппиус. Сказанное ни в коем случае неприложимо к романисту. Книга удивительно умна, многие мысли автора, надеюсь, войдут в сборники афоризмов. Приведу две фразы: "В глубине души... большинству бунтарей хочется лишь обрести новый, более совершенный конформизм" (С. 134); "Для женщины ложь – это способ обороны. Они обороняют правду, как обороняют девственность. Женская ложь – свидетельство добропорядочности" (С. 144).

Вот такая книга: загадочная и блестящая, как фейерверк, и пророческая, ибо в ней предсказано не только то, что сейчас происходит в мире, но и то, что неминуемо произойдет...

21 апреля 2004 г.

"Алмазная колесница", или Путь к Будде Амида

Любезный читатель, давай потолкуем о новой, пленительной и удивительной книге: **Борис Акунин. Алмазная колесница. В двух книгах. Книга 1. Ловец стрекоз. Книга 2. Между строк. Издание второе, дополненное. М.: Издатель Захаров. 2004. Тираж 100 000 (!!!) экземпляров. 720 С.** Маститый автор на сей раз превзошел себя. Почему? Отвечаю.

Увесистый том представляет собой дилогию, связанную в одно целое главным героем, которого читатель хорошо знает: Эрастом Петровичем Фандориным, сыщиком-аналитиком на государственной службе, благородным авантюристом, державником-прогрессистом, политическим пророком, дамским сердцеедом. Действие первой книги происходит в 1905 г. в Питере и Москве, второй – в Японии эпохи Мейдзи (1878 г.).

"Алмазная колесница" – не что иное, как название секты (Дзёдо), основанной монахом Синраном (1173-1263 гг.). "Алмазная колесница" (Конгодзё) летит по Пути Чистой Земли, ее "седоки" – искусники-ниндзя, тайные воины-убийцы, диверсанты, равнодушные к добру и злу. Глава клана ниндзя Тамба Момоти говорит Фандорину: "Путь Алмазной колесницы учит, что Большой Мир, то есть мир Своей Души, неизмеримо важнее Малого Мира, то есть мира человеческих отношений. Спроси сторонника любой религии, кто такой праведник, и ты услышишь: праведник – тот, кто жертвует собой ради других людей. На самом деле жертвовать собой ради других – наихудшее преступление в глазах Будды. Человек рождается, живет и умирает один на один с Богом. Все прочее – лишь видения, созданные Высшей силой, дабы подвергнуть человека испытанию. Великий вероучитель Синран изрек: «Если глубоко вздуматься в волю Будды Амида, то окажется, что всё мироздание затеяно ради одного меня»" (С. 707). Ничего себе, развлекательное чтиво. Образ Тамба – сквозной и чрезвычайно важный, он – отец и дед... (промолчу).

Название первой книги "Алмазной колесницы" восходит к прославленному хокку:
Мой ловец стрекоз,

О, как же далеко ты

Нынче забежал...

Как ты думаешь, читатель, о чем это трехстишие, а? Неправильно. Прочитируем автора, в миру – Г.Ш. Чхартишвили, крупнейшего япониста современности: "... великая поэтесса Тиё написала это стихотворение на смерть своего маленького сына" (С. 651). Лишь в ошеломительном финале второй книги мы узнаём, что "ловец стрекоз" – это (нет, молчок). Читайте сами.

Тема трагедийной несовместности европейского и японского мировидения, миропорядка, миропонимания, мировоззрения, культуры, поведенческих мотивов, мышления-языка – сквозная в книге Б. Акунина. О-Юми (Мидори), возлюбленная Фандорина, говорит ему во время свидания: "Есть две красоты: красота радости и красота печали. Вы, люди Запада, предпочитаете первую, мы – вторую. Потому что красота радости недолговечна, как полет бабочки. А красота печального прочнее камня" (С. 653). Кстати, в японском языке нет будущего времени (!!!), только – настоящее и прошедшее.

Название второй книги "Между строк", каждую главу которой автор завершает изящным трехстишием, помогает понять последнее хокку:

Забудь, что прочёл.

Учись читать заново.

Так сказал сэнсэй.

Здесь не только корректное обращение к читателю с просьбой перечитать книгу наново, здесь обращение к читательскому сердцу... Кстати, в этой книге дана "развернутая биография" Массы – друга-камердинера Фандорина.

Два романа Б. Акунина, объединенные под одной обложкой, ибо лишь из поразительного постскриптума читатель понимает, что это ОДНО произведение, принадлежат к новому "синкретическому" (так скажем) жанру. "Алмазная колесница" – глубоко новаторское соединение исторического, "этнографического", психологического, политического, философского, любовного, шпионского, авантюрного, детективного романов. В книге "Между строк" 22-летний Фандорин еще к тому же стремительно мужает, отковывает дух, подвергается тяжким душевным и телесным испытаниям, следовательно, можно назвать эту книгу еще и "романом-воспитанием". Да, да, все это "в одном флаконе", как говорится в пошлой рекламе. Не знаю, читатель, видал ли Ты такое, я – нет, ничего подобного не читал.

В первой книге "Ловец стрекоз", действие которой разворачивается в Питере и Москве во время Русско-японской войны, после разгрома российского флота у острова Цусима, Фандорин сражается с японским диверсантом штабс-капитаном Василием Александровичем Рыбниковым, который в действительности оказывается... (нет, опять молчок). Ба, скажет читатель, читал я рассказ А.И. Куприна (1870-1938 гг.) "Штабс-капитан Рыбников" (1905). Написав эту мини-повесть, Куприн стал основоположником жанра шпионского детектива в русской прозе, причем писатель считал этот рассказ своим лучшим произведением.

Читатель, осмелюсь дать Тебе совет: перед проглатыванием "Ловца стрекоз" перечитать купринский рассказ (в любой поисковой машине набери: Куприн А.И. Штабс-капитан Рыбников; нажми пару кнопок, и текст появится на мониторе). Куприн – замечательный писатель – в нашей преизбыточной гениями литературе является классиком "второй руки". В любой европейской литературе он был бы писателем первого ранга. Однако мы сейчас не об этом. "Штабс-капитан Рыбников" – весьма компактное произведение. Так вот, перечитав купринскую мини-повесть и начав поглощать "Ловца стрекоз", Ты поймешь, как изменилась русская проза за сто лет: темп, ритм, писательские технологии, сюжетное построение, психологизм и т.д. Читатель спросит, а что же, Акунин пишет лучше Куприна? Однозначно (вспомним В.В. Жириновского!). Нет, не так! Акунин пишет ИНАЧЕ: жестче, точнее, насыщеннее... Безупречная книга.

Я нашел лишь одну "блоху" в "Ловце стрекоз" ("питерские главы"): "Мимо грохотал электрический трамвай. Рыбников вдруг ступил с тротуара на мостовую, перешел на бег и ловко вскочил на подножку" (С. 10). Первая трамвайная линия в Петербурге была открыта 15 сентября 1907 г., т.е. через два года после описываемых событий. Я когда-то писал об этом в комментариях к роману Андрея Белого "Петербург". Книга "Алмазная колесница", несомненно, стоит в одном ряду с этим шедевром. Действие романов Белого и Акунина происходит в одно и то же время, большое внимание уделяется психологии бомбистов-террористов.

А о чем, собственно говоря, повествует автор в "Алмазной колеснице"? Да все о том же: о любви и ненависти, о жизни и смерти (и о "посмертии"), о верности и предательстве, о земле и крови, о благородстве и низости, о буддизме и синтоизме, о российской и островной (Ямато) империях и прочая, и прочая, и прочая. Книга читается, ей-Богу, на одном дыхании: сюжет чрезвычайно прихотлив и затейлив со всеми фиоритурами приключенческого романа: погони, перестрелки, сражения с ниндзя, любовные перипетии и т.д. В книге много крови, жестоких сцен насилия, убийств.

Злые и завистливые критики относят прозу Акунина к развлекательному "чтиву". Это нечестно и неверно. Сам писатель подлил масла в огонь, сказав о своем творчестве в одном из интервью: "Не все же Хайдеггера читать". Читатель, мне приходилось читать труды этого философа: скука смертная, немецкое "гелертерство", квазинаучные благоглупости, яркая мысль, как саваном, укутана многостраничными ИЗБЫТОЧНЫМИ размышлениями. Это не В. Соло-

вьев, не В. Розанов и не Н. Бердяев, ну, и, разумеется, не Б. Акунин. Автор "Алмазной колесницы" – круче, увлекательней и УМНЕЕ. Именно от Владимира Соловьева автор подхватил тему "панмонголизма" (С. 558), грядущего всемирного торжества "желтой расы".

Приведу фрагмент размышлений главного героя ("Между строк"): "...всем существом Фандорина овладело пронзительное, непередаваемое словами ощущение, что *смерть есть*. Он всегда, с раннего детства твердо знал, что жизнь тела невозможна без жизни души – этому учила вера, об этом было написано в множестве прекрасных книг. Но теперь, на двадцать третьем году от рождения, под падающей с неба луной, ему вдруг открылось, что верно и обратное: душа без тела тоже жить не станет. Не будет ни воскресения, ни ангелов, ни долгожданной встречи с Богом – будет нечто совсем другое, а, может, и вовсе ничего не будет, потому что души без тела не бывает, как без тьмы не бывает света, как не бывает хлопка одной ладонью. Умрет тело – умрет и душа, а смерть абсолютна и окончательна" (С. 443). Нет, не "бульварное чтение", господа-критики. Ничего ужасней я за всю жизнь не читал.

В книге многократно и многоаспектно истолковывается псевдоним "Акунин". В ней много "внесценических персонажей" (так скажем): они не являются участниками действия, но о них говорят персонажи (император Муцухито и многие другие).

"Алмазная колесница" – Большая книга Большой литературы. Б.Акунин – "ушедший к Будде" (желаю писателю многоплодного долголетия). Предпоследнее. "Перестройка" эпохи Мейдзи содержит прямые аллюзии с реформами современной России. И последнее. "Алмазная колесница" наверняка напугает "проницательного читателя": насельники островной империи остались прежними (вопреки техническим "чудесам"), а мы (русские, европейцы, американцы) – давно другие... Ave, Akunin.

20 мая 2004 г.

"Бесчестье" "Осени в Петербурге", или "Безнравственное безволие" и нравственная воля

Дорогой читатель, поговорим о совершенно исключительной книге: Дж. М. Кутзее. **Бесчестье. Осень в Петербурге: Романы / Перевод с английского С. Ильина. СПб. Издательство "Амфора". 2004. Тираж 10000 экземпляров. 590 С.**

Южноафриканский прозаик Джозеф (иногда пишут – Джон) Максвелл Кутзее в 2003 г. был удостоен Нобелевской премии. Это вторая "нобелевка" (так говорила Ахматова) в истории литературы Южноафриканской республики. Первым лауреатом в 1991 г. стала Надин Гордимер, автор многих романов (род. 1923 г.). В ЮАР существуют две мощные литературы: англоязычная и на языке африкаанс (бурском).

Несколько фраз о биографии "нобелиата". Кутзее родился 9 февраля 1940 г. в городе Уорсестер близ Кейптауна в семье потомков голландских переселенцев. Окончив Кейптаунский университет, он в 1960 г. становится "бакалавром гуманитарных наук", через три года – магистром, в 1969 г. в Техасском университете получает степень доктора философии. С 1971 г. – профессор Кейптаунского университета (английский язык, история мировой литературы). Кутзее много путешествовал по Европе, несколько лет прожил в Австралии. Его перу принадлежат повести и романы: "Сумрачная земля" (1974), "Из глубины страны" (1977), "В ожидании варваров" (1980), "Жизнь и время Майкла К." (1983), "Мистер Фо" (1987), "Железный век" (1990), "Осень в Петербурге" (1995), "Бесчестье" (1999) и книга статей "Белое письмо" (1998). Романы "В ожидании варваров" и "Жизнь и время Майкла К." переведены на русский язык. Джозеф Кутзее в первый раз за всю историю англоязычной литературы дважды удостоивался британской Букеровской премии: в 1983 г. – роман "Жизнь и время Майкла К.", 1999 г. – "Бесчестье".

Разговор начнем с романа "Бесчестье". Сюжет романа достаточно прост: телесные и духовные "приключения" 52-летнего профессора-филолога Дэвида Лури, выгнанного из Кейптаунского университета за "морально-бытовое разложение", как писали в советские годочки, т.е. за связь со студенткой. Он уезжает на ферму к дочери-лесбиянке, ее насилюют чернокожие кафры, она "оставляет" ребенка и собирается выйти замуж за соседа-негра. Профессор частенько наезжает с фермы в ветеринарную клинику в близлежащем городке, где помогает гуманно умерщвлять старых и больных собак. Дэвид сомневается в бытии человеческой души, но в существование души у животных он, кажется, верит. Читатель скажет, что за ерунда на постном масле. Нет, не ерунда. Все на самом деле исключительно трагично и глубоко. Вспомним чеховское "трагизм мелочной жизни".

Прежде всего автор неимоверно культурен. Писательница Людмила Улицкая (биолог по "базовому" образованию) как-то обмолвилась: "Человек создает культуру как моллюск, выделяющий из своей раковины створки собственной мантии". Как филолог по "базовому" образованию, скажу проще: Кутзее выделяет культуру, как почки мочу. Роман весь пронизан тончайшими литературными аллюзиями, намеками, нюансами, скрытыми цитатами. Все исключительно вкусно написано. Кстати, в романе есть романтическая "вставная новелла": герой пишет оперу "Байрон в Италии" (либретто и музыку), своих любовниц он проецирует на образ возлюбленной величайшего английского поэта. Читатель! Это тебе ничего не напоминает? Правильно: роман Михаила Булгакова "Мастер и Маргарита" ("античная" линия Иешуа Га-Ноцри). Для "Бесчестья" характерен какой-то запредельный, сладкий и горький, нежный и грубый, поосторонний и потусторонний изошренный психологизм. Большая литература – она и в Африке – большая литература.

В обезбоженном космополитическом (употребим новейшее словечко – глобалистском) мире Дэвида Лури все просто и сложно, обыденно и трагично. Он сам причисляет себя к "клирикам пострелигиозного века" (С. 12), к людям "послехристианской, послеисторической эпохи, эпохи ликвидации грамотности" (С. 49). Хорошо сказано! Герой стареет, теряет витальные силы. Как врач фиксирует течение болезни, романист дробно и подробно описывает истечение и истончение грешной души. Походя, без надрыва и нажима Кутзее касается чудовищного расового антагонизма в ЮАР, выплеснувшегося кровавой волной в результате "перестройки", демиургом которой был последний белый президент Леклерк. Всего не скажешь в рамках стандартной статьи... Не все же литературные эклеры с жирным кремом "трескать", иногда полезен горьковатый черный хлебушек, посыпанный солью отчаяния.

Жанр "Осени в Петербурге" определить довольно затруднительно. Попробуем так: антикварно-фантастический (!!!) роман. Действие происходит в октябре 1869 г. В столицу Российской империи приезжает из Дрездена Федор Михайлович Достоевский, узнавший о самоубийстве (убийстве?) пасынка Павла Александровича Исаева, сына своей умершей первой жены. В Петербурге его, как Дэвида Лури из "Бесчестья", ожидают, в свою очередь, духовные и телесные приключения.

Почему роман антикварный? В книге безупречно воссоздана атмосфера Петербурга Достоевского: топография, обороты речи, быт, костюмы, аксессуары и т.д. Нет никаких сведений о том, что Кутзее когда-либо навещал Ленинград-Петербург, следовательно, все эти скрупулезные сведения получены им из скрупулезно изученных комментариев к Полному собранию сочинений и писем Ф.М. Достоевского в 30 томах. Это издание, предпринятое в течение двух десятилетий моими коллегами по Пушкинскому Дому, поверь, читатель, – научный подвиг. В романе нет ни одной явной фактической ошибки. Это, в свою очередь, писательский подвиг. Необходимо отметить талантливую работу переводчика С. Ильина, который мастерски стилизовал "язык" старой России.

Почему роман фантастический? Пасынок писателя – реальный исторический персонаж (давно опубликованы письма к нему Достоевского) пережил отчима на двадцать лет, был женат, имел двух деток и умер на своей постели. Достоевский проводит фактическое и психологическое расследование причин смерти Павла. О чем книга? Да все о том же: о сиротстве человека в сей юдоли плача, о любви небесной и земной, о любви преступной (тема педофилии, воплощенная Достоевским в "Исповеди" Ставрогина – героя гениального романа "Бесы" (1873 г.), о смерти неминуемой, о "крови по совести", о политической провокации, о свободе слова и свободе молчания, о "безнравственном безволии" (С. 326). Главным героем "Осени в Петербурге" становится Сергей Геннадиевич Нечаев. Читатель, слышал ли ты когда-нибудь слово "нечаевщина"? Напоминаю.

С.Г. Нечаев (1847-1882 г.) – революционер, основатель тайного террористического общества "Народная расправа", друг знаменитого анархиста М.А.Бакунина, автор печально известного "Катехизиса революционера", в котором разрешалось из высших соображений убивать, лгать, провоцировать, выдавать жандармерии друзей и т.д. "Народная расправа" была поделена на "пятерки", которые Нечаев хотел "повязать кровью". Осенью 1869 г. нечаевцы убили в Москве студента И.И. Иванова, который якобы был "предателем". По этому делу было осуждено 85 человек. Нечаев бежал за границу, но в 1872 г. был как уголовный преступник выдан швейцарским правительством царским властям и осужден на 20 лет каторги. Умер от водянки в Петропавловской крепости. Учение и жизнь террориста оказали огромное воздействие на молодого Ленина, который по лекалу "Народной расправы" основал партию "нового типа". Нечаев стал прототипом Петра Верховенского – провокатора и убийцы из "Бесов". Итак, "Осень в Петербурге" можно охарактеризовать как одновременно "преуготовление" (употребим стародавнее словечко) и послесловие к "Бесам" (автор не раз цитирует старинное присловье "Лес лесом, а бес бесом"). Нечаев, по версии Кутзее, и явился причи-

ной смерти Павла... Духовное работорство Достоевского с Нечаевым – сюжетный стержень романа. Кутзее противопоставляет кровавую практику Нечаева высоким устремлениям декабристов и петрашевцев. Достоевский как деятельный участник этого революционного кружка стал одним из самых известных политических заключенных в истории... XXI век застит небо истории такими кровавыми сполохами, что книги, в которых прослеживаются и очерчиваются идеологические источники терроризма, становятся куда более актуальными, чем свежий номер информационно-аналитической газеты.

Южноафриканский романист гениально моделирует сложную, контрастную, переливающуюся, фосфоресцирующую психику гениального Федора Михайловича, сочетавшего в душе болезненную святость и "бездны содомские", гордыню и юродство, благородство и подлость, веру во Христа и поведенческое неверие. Все так, все именно так, читатель. Напомню проникновенные слова Достоевского: "Через великое горнило сомнений моя осанна прошла". Образ русского писателя, который мечется между раем и адом, притягивает, завораживает, пугает, ужасает, вызывает и любовь к нему, и жалость, и презрение. Не кислые, как теперь принято изъясняться, "африканеры" (потомки белых переселенцев) книги строгают. Интеллектуальные романы для "высоколобых" зачастую читаются увлекательней и занимательней, нежели приключенческие книжки и детективы.

"Осень в Петербурге" ко всему прочему еще и любовный роман: сердце Достоевского разрывается между высокой любовью к своей второй жене (в девичестве А.Г. Сниткиной) и сжигающей страстью к некоей А.С. Коленкиной. На свободу – с чистой совестью. С чистой совестью рекомендую всем книгу Кутзее...

1 октября 2004 г.

Норманнская Англия, или Английские норманны

Читатель, хочу предложить твоему благосклонному вниманию чудесную книжку английской исследовательницы: **Сара Орне Джуэтт. Завоевание Англии норманнами. Минск. Издательство «Харвест». 2004. 304 С. Тираж 5000 экземпляров.** Имя переводчика не указано.

События, о которых идет речь в книге, предшествуют лет на сто приключениям бессмертных героев самого знаменитого романа Вальтера Скотта «Айвенго» (в XIX в России производили и писали «Ивангэ»). Мало кто помнит, что Ричард Львиное Сердце был не только королем Англии, но и герцогом Нормандии. Фон романа – ненависть англосаксов к норманнским завоевателям. Кстати, Вальтер Скотт совершил одно из самых блистательных открытий в мировой литературе, создав жанр исторического романа. Впрочем, я не об этом.

Все знают богатые смысловыми обертонами слова «норманны», викинги, варяги (в русской традиции): суровые воины из суровых скандинавских стран, жестокосердные завоеватели, в течение столетий наводившие ужас на всю средневековую Европу. Предки современных норвежцев, датчан, шведов и исландцев были, если использовать терминологию Л.Н.Гумилева, «пассионариями» в самом полном значении этого концептуального термина. Викинги, отправлявшиеся в немыслимые по тем временам по дальности и длительности морские экспедиции на своих судах – «драккарах» – «драконах», предавали огню и мечу целые страны. Впрочем, не нужно думать, что викинги (от *víks* или *wicks* – бухты, где они ставили свои корабли) были «террористами» в современном понимании-истолковании. «Викинги были отчаянно смелы и дерзки и придерживались рыцарского кодекса чести... Викинги были обязаны давать клятву, что не будут захватывать в плен женщин и детей, спасаться бегством во время бури или останавливаться до окончания битвы для обработки ран» (С. 16). Конечно, они были пиратами, но благородными пиратами. Норманны, захватившие в начале X века огромную часть территории феодально раздробленной Франции, дали ей имя Нормандия, а сами стали называть себя норманнами.

Напомню: согласно знаменитой «норманнской теории», варяжский князь Рюрик стал основателем российской государственности, в 862 г. он занял новгородский престол. Многие исследователи возводят самоназвание великоросской нации к имени варяжского племени «русов».

Принято думать, что викинги были дикарями-язычниками, которые причиняли культурной Европе неисчислимый вред, толкая просвещенные страны назад, в темные века. Исследовательница обстоятельно аргументирует иную точку зрения: викинги-норманны были передовой нацией мореплавателей-воинов, «их история, литература и социальные устои были совершеннее, чем у англосаксов и у франков» (С. 11). «Чем больше мы узнаем о норманнах, тем больше убеждаемся в том, насколько они превосходили в своем знании полезных ремесел людей, которых они покоряли» (С. 12). Саги, сложенные скандинавскими скальдами-бардами, и по сей день являются непревзойденным образцом мрачной, грозной и своеобразной поэзии. У викингов была странная, простая и сложная одновременно вера в богов: Одина, Тора и Бальдра, в поразительный «рай» и «ад». Воины, павшие на поле брани, попадали в светлый дворец Одина –творца все сущего, в Валгаллу, где вечно пировали и воевали, умершие от болезни или от старости попадали в подземное царство, во тьму и скрежет зубовный.

Каждая глава книги С.О.Джуэтт представляет собой конспект увлекательнейшего исторического романа или кинофильма. К примеру, жизнь норвежского короля Рольфа (Ходока), основателя Нормандского герцогства, настолько баснословна, как говаривали в старину, что могла бы послужить сценарной основой голливудского блокбастера. Столь же удивительны и жизненные приключения его наследников: Вильгельма Лондсворта, Ричарда Бесстрашного,

Роберта Великолепного и, конечно, Вильгельма Завоевателя. Жизнеописание великого Вильгельма, незаконного сына законного герцога Нормандии, удивляет проникновенным психологизмом, скрупулезным вниманием к каждой биографической детали.

Потомки Рольфа поразительно быстро усвоили религию и язык франков, переняли их обычаи (буквально в течение жизни одного поколения) и стали... **французами**, хотя и именовали себя норманнами. Наследники викингов занялись возведением монастырей как центров литературы и просвещения, покровительствовали искусствам, торговле, мореплаванию и ремеслам. Нормандские рыцари, доблестные и галантные, стали образцом для всей Европы. Именно норманны разработали и стали широко применять рыцарский кодекс клятв и обетов.

Когда Вильгельм Завоеватель покорил Англию, норманны, протеичные и пластичные, преодолев сопротивление коренных англосаксов, в скором времени стали **англичанами**, а их потомки спустя долгие столетия – американцами. С некоторой обидой исследовательница констатирует: «Что касается современных англичан и американцев, то корни английской истории сами по себе интересуют их меньше, чем всевозможные толкования хода событий» (С. 73). А вот о чем С.О.Джуэтт пишет с гордостью: «...проявившиеся впоследствии готовность англичан образовывать колонии и их способность адаптироваться к любым – климатическим и другим – условиям жизни была predetermined в нормандских поселениях... Был какой-то глубокий смысл в слиянии двух народов, была какая-то причина образования более великой нации, чем просто норманны и англичане» (С. 110-111, 153). Трудно не согласиться с автором книги в том, что английская нация унаследовала от норманнов свои лучшие качества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.